

Научная статья

УДК 338.23

EDN: DIXXZU

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЫНКА НАРКОТИКОВ КАК КРИМИНАЛЬНОГО СЕКТОРА ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Дмитрий Вячеславович Новокшонов¹, Светлана Владимировна Смелова², Анатолий Александрович Стишак³

¹ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Санкт-Петербург, Россия

^{2, 3} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ d_novoksh@mail.ru

² sm3love.svet@yandex.ru

³ hot-model@mail.ru

Аннотация. В статье кратко рассматриваются концептуальные подходы к пониманию теневой экономики и ее структуры. Отмечается, что в обеспокоенность по поводу существования теневой экономики обусловлена дефицитом государственного контроля и управления, нехваткой достоверных данных и информации о масштабах нелегального оборота, ценообразовании, природе прибыли, транзакционных издержках, институциональной организации, что существенно затрудняет экономический мониторинг и анализ, а также оценку влияния на легальный сектор как с макроэкономической, так и с микроэкономической точки зрения. Проанализировав проблему теневой экономики в общих чертах, в статье далее предпринята попытка выделить ключевые моменты характеристики наркотиков. Феномен экономической экспансии теневой экономики и ее криминального сектора – рынка наркотиков – долгое время игнорировался большинством социальных наук, общепризнанной концепции по их экономической теории в настоящее время нет. При изучении внутренних закономерностей рынка наркотиков авторы опираются на общие принципы функционирования экономики легального сектора, на теоретические выводы, полученные при изучении криминального сектора теневой экономики, а также при исследованиях рынка легальных аддиктивных товаров. Авторами выявляются ключевые характеристики наркотиков, которые можно подразделить на две группы: те, которые типичны для всего криминального сектора теневой экономики и те, которые специфичны для рынков наркотиков.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, экономика наркобизнеса, гашиш, героин, синтетический наркотик, наркобизнес, наркотикон, офшоры, даркнет, аддиктивные товары, криптовалюта

Для цитирования: Новокшонов Д.В., Смелова С.В., Стишак А.А. Основные характеристики рынка наркотиков как криминального сектора теневой экономики // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2024. № 1 (26). С. 61–72. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/007.pdf>. EDN: DIXXZU.

Original article

MAIN CHARACTERISTICS OF THE DRUG MARKET AS A CRIMINAL SECTOR OF THE SHADOW ECONOMY

Dmitry V. Novokshonov¹, Svetlana V. Smelova², Anatoly A. Stishak³

¹ Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

^{2, 3} Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint-Petersburg, Russia

¹ d_novoksh@mail.ru

² sm3love.svet@yandex.ru

³ hot-model@mail.ru

Abstract. The article briefly discusses conceptual approaches to understanding the shadow economy and its structure. It is noted that concerns about the existence of the shadow economy are due to a lack of government control and management, a lack of reliable data and

information on the scale of illegal trafficking, pricing, the nature of profits, transaction costs, institutional organization, which significantly complicates economic monitoring and analysis, as well as impact assessment on the legal sector from both macroeconomic and microeconomic points of view. Having analyzed the problem of the shadow economy in general terms, the article further attempts to highlight the key points of the characteristics of drug markets. The phenomenon of economic expansion of the shadow economy and its criminal sector - the drug market - has long been ignored by most social sciences; there is currently no generally accepted concept in their economic theory. When studying the internal patterns of the drug market, the author relies on the general principles of the functioning of the economy of the legal sector, on theoretical conclusions obtained from studying the criminal sector of the shadow economy, as well as from research on the market for legal addictive goods. The author identifies the key characteristics of drug markets, which can be divided into two groups: those that are typical for the entire criminal sector of the shadow economy and those that are specific to drug markets.

Keywords: drug trafficking, economics of the drug business, hashish, heroin, synthetic drug, drug business, drug market, offshore, darknet, addictive goods, cryptocurrency

For citation: Novokshonov D.V., Smelova S.V., Stishak A.A. Main characteristics of the drug market as a criminal sector of the shadow economy. Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2024;1(26): 61–72. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2024/03/007.pdf>. EDN: DIXXZU.

© Новокшонов Д.В., Смелова С.В., Стишак А.А., 2024

Введение

Интерес к изучению экономических явлений на рынке наркотиков в последние десятилетия носит устойчивый характер в связи с колоссальными прибылями, которые приносит данный сектор теневой экономики. Изучению указанного феномена было уделено внимание лишь в небольшом количестве работ отечественных экономистов – Л. М. Тимофеева [20], М. Ю. Кийко [9], Р. Ю. Скоков [18]. Вместе с тем, из-за сложности поиска достоверных данных, обусловленной нелегальностью этой деятельности, общепризнанной концепции по теории наркокрынков пока не разработано.

Однако растущее внимание общественности к системному увеличению незаконного оборота наркотиков подталкивает к использованию любых имеющихся данных для изучения связи между этой криминальной деятельностью и легальной экономикой.

В работе используются описательный метод для получения и первичного анализа актуальной информации о производстве, потреблении и незаконном обороте наркотиков в мире, аналитический метод, позволивший выявить причинно-следственные процессы, и сравнительный метод.

В данной статье авторы ставят целью выявить и проанализировать основные характеристики нелегальных рынков наркотиков, рассмотрев факторы, связанные с формированием цен на наркотики, организа-

цией отрасли, взаимосвязью насилия и незаконного оборота наркотиков.

Основная часть

Чтобы оценить экономическое и социальное явление как количественно, так и качественно, необходимо, прежде всего, его идентифицировать и дать определение, уточнив границы его масштаба и конкретизировав его содержание. Следует отметить, что концептуальные и терминологические дебаты о теневой экономике постоянны. Хотя термин «теневая экономика» является наиболее употребляемым, в российской и зарубежной литературе используются и иные наименования: «неформальная экономика» (*informal economy*), «подпольная экономика» (*under-ground economy*), «скрытая экономика» (*hidden economy*), «параллельная экономика», «неофициальная экономика», «нелегальная экономика» и тому подобные, используя порядка 20 синонимов [3, С. 16; 15]. Все эти пресекающиеся определения относятся к широкому спектру экономических операций, учет и регулирование которых по различным причинам не попадает в поле зрения официальной статистики [8; 19].

Отметим, что до сих пор нет общего консенсуса по определению и структуре теневой экономики, поскольку она анализируется с разных точек зрения в зависимости от решаемых исследователем задач, а также избранной им методологии [13]. В российской академической литературе наблюдается два базовых концептуальных подхода: 1) неформальная и теневая экономики используются как синони-

мичные понятия [9, С. 122]; понятия формальной, неформальной и теневой экономики различны, но одни авторы рассматривают теневую экономику как часть неформальной [3, С. 23], другие, напротив, термин «теневая экономика» используют как предельно общий, полагая, что неформальная экономика является одним из сегментов теневой [3, С. 125; 11].

Дуальность «формально-неформальный» применительно к экономике впервые появляется в экономической теории в начале 70-х годов в работе британского исследователя К. Харта, посвященной проблеме городской безработицы в Африке. Ученый вводит понятие формальных и неформальных возможностей получения дохода для изучения занятости в городской среде указанной страны, особенно среди слоев населения с низкими доходами. Харт связывает возможности неформального дохода с фигурой самозанятого работника, отождествляя формальный доход с наемной занятостью [23]. С этого момента термин «неформальный сектор» стал популярным в международных академических кругах, занимающихся экономическими исследованиями. Указанный термин рассматривается как особая форма структурирования экономики развивающихся стран, суть которой в избегании учета и контроля со стороны государства в отношении сбора налогов, соблюдения стандартов условий труда, качества продукции и предоставления услуг [2].

На XV Международной конференции статистиков труда, состоявшейся в 1993 году, было дано определение неформальной экономической деятельности для того, чтобы сделать возможным статистическое наблюдение в странах, где неформальный микро- и малый бизнес играет важную роль с точки зрения занятости и вклада в ВВП и требует специального рассмотрения в макроэкономическом моделировании и отраслевой политике, не имея точных количественных данных. Согласно этому определению, основанному на статистическом подходе, неформальный сектор – это подмножество сектора домашних хозяйств. Он состоит из семейных предприятий или «неформальных предприятий людей, работающих на себя», которые не нанимают сотрудников на постоянной основе, используя «семейную» рабочую силу и/или временных сотрудников, а также микропредприятий, в которых используется наемный труд, которые характеризуются минимальным государственным регулиро-

ванием и в большинстве случаев не зарегистрированы в официальном порядке (не стоят на налоговом учете, в системе социального обеспечения и т. п.) [1].

Важно отметить, что в документах МОТ (Международная организация труда) неоднократно подчеркивалось, что большинство видов деятельности в неформальном секторе не соответствуют нормам и правилам формальной экономики, особенно когда речь идет об условиях труда и вознаграждении, но они не связаны с преступностью и не ставят целью сознательный обход налоговых правил, уклонение от отчислений на социальное обеспечение или нарушение трудового законодательства. Эта позиция послужила основой для разделения деятельности в неформальном секторе от концепции скрытой или теневой экономической деятельности рядом авторов [3; 9].

Критерий уровня легальности деятельности часто используется для структурирования единого экономического пространства по различным секторам и прослеживания связей между ними, однако и здесь наблюдается отсутствие терминологического единства. Производство товаров и услуг, прямо запрещенных законом, в научной литературе именуют теневой, криминальной, черной либо нелегальной экономикой, причем зачастую эти понятия не являются синонимичными, а напротив, обозначают разные сегменты структуры. К примеру, С. Ю. Барсукова разделяет теневую и криминальную экономику в зависимости от вида нарушения – если в процессах производства, распределения и реализации совершаются противоправные действия, но продукция является законной, то это теневой сектор, если производятся продукция и услуги, прямо запрещенные законом, – криминальный [3, С. 22]. Причем, по мнению автора, оба сектора являются составной частью неформальной экономики, которая образует множественные взаимосвязи с формальной экономикой [3, С. 23]. В трактовке Е. В. Петрова, при схожести смыслового наполнения терминов, выстраивается несколько иная структура: криминальная экономика есть составная часть теневой экономики, а последняя – составная часть неформальной [15]. Другие авторы [6, 9, 10] определяют теневую экономику как производство товаров и услуг, которое намеренно скрыто от государственных механизмов учета и регулирования по следующим причинам: 1) уклонение от уплаты налогов и иных платежей (пошлин, страховых взносов и т. п.); 2)

для обхода стандартов рынка труда (минимальная заработка, максимальное рабочее время, стандарты безопасности), 3) конечный продукт (услуги) носит незаконный характер. Все сторонники указанного подхода к определению теневой экономики выделяют в ее структуре сегмент охватывающий производство и распространение товаров и услуг, запрещенных законом, но именуют его различно: нелегальная [9], черная [6, 11] или криминальная [10] экономика.

Таким образом, хотя консенсус относительно терминологии не достигнут, в научной литературе не оспаривается наличие в едином экономическом пространстве множество секторов, один из которых объединяет деятельность, направленную на производство, обращение, сбыт продукции, запрещенной с юридической точки зрения, осуществляющую отдельными людьми, маргинальными или девиантными группами, в условиях полной или относительной тайности. Вместе с тем, подобный терминологический плюрализм представляет собой методологическую проблему, затрудняет определение характеристик нелегальных рынков в целом и отдельных их видов. Другой трудностью является острая нехватка данных и информации о деятельности теневого сектора и объемах нелегального оборота для экономического мониторинга и анализа. Поэтому в отличие от легальной (формальной) экономики, теневой сектор подвержен высокому уровню спекуляций и оценок, зависящих от политических и корпоративных интересов.

Обращаясь к вопросу наиболее значимых характеристик наркотынка как криминального сектора теневой экономики, необходимо ответить на вопрос, похож ли этот рынок на любой другой. В многочисленных работах подчеркивается сходство логики легальной и нелегальной экономики с точки зрения форм ее организации в обмене. В обосновании этой позиции приводятся аргументы о существовании одинаковых принципов организации обмена: механизмов формирования цен и доходов по закону спроса и предложения, вариативности продукции и видов распределения, строгого разделения труда и т. д. Рассматривая наркобизнес как отрасль теневой экономики, отмечает, что он «имеет свою внутреннюю структуру, кадровую иерархию, систему взаиморасчетов, рынок сбыта, подчиненный общим экономическим законам» [16, С. 131].

Полагаем, что при изучении внутренних

закономерностей рынка наркотиков следует опираться не только на общие принципы функционирования экономики легального сектора, но и обращать внимание на теоретические выводы полученные, во-первых, при изучении криминального сектора теневой экономики, а во-вторых, при исследовании рынка легальных аддиктивных товаров (алкоголя, табака и т. п.).

Анализ академической литературы и отчетов специализированных организаций и учреждений (Международного комитета по контролю над наркотиками (МККН), Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и т. п.) позволяет выделить следующие ключевые моменты характеристики наркотынков.

1. Экономическая оценка наркотынков зависит, во-первых, от уровня оценки: международный, региональный либо национальный, во-вторых, от специализации страны/региона на процессах производства, транспортировки, либо потребления.

2. Фундаментальной характеристикой наркоиндустрии является ее высокая рентабельность, особенно все случаи гашаша, героина и синтетических наркотиков; в то время как для каннабиса этот показатель ниже, возможно, из-за того, что производственно-сбытовая цепочка короче, стоимость ниже, а распределительные сети более разветвлены [14].

3. Традиционно признается, что развитие нелегальных рынков (и наркотынка в особенности) часто сопровождается насильственными практиками, которые являются обостренной формой конкуренции и представляет собой способ снижения затрат и препятствий на пути развития бизнес-модели [7, С. 194]. По своей природе незаконная деятельность не использует традиционные методы урегулирования конфликтов и реализации контрактов. На рынке наркотиков применение насилия позволяет разграничивать права собственности (торговые площади) и разрешать конфликты (погашение долгов, контрактов).

4. В широком смысле понимается как обмен товаров на деньги в условиях конкуренции. В отношении наркотынка высказываются различные теории относительно типа конкуренции и организационной структуры.

Рынок наркотиков функционирует в виде «теневых монопольных структур в виде картелей, синдикатов или многофункциональных ОПГ» [17, С. 98].

Доминирующие представления о незаконном обороте наркотиков предполагают, что существование сетей торговцев

наркотиками, строго структурированных вокруг вертикальной организации «холдингового типа, использующих экономические выгоды отраслевого и территориального разделения труда» [9, С. 141]. В наркоиндустрии разделение труда происходит по следующим направлениям: а) ответственные за производство, распространение и сбыт наркотиков; б) ответственные за отмывание денег и реинвестирование прибылей; в) ответственные за защиту территории, стратегических точек и маршрутов, безопасность участников, подкуп властей.

В иностранной литературе высказывается идея о том, что рынок наркотиков структурирован в форме некартельной олигополии, участники которой участвуют в ценовой войне: как и на всех конкурентных рынках, продавец запрещенных наркотиков сталкивается с инновациями конкурентов и с долей рынка, которую последние могут получить [24]. Согласно этому теоретически можно сделать вывод, что нестабильность барьеров для входа на наркотиконы свидетельствует о том, что предложение наркотиков всегда будет в изобилии [27].

В других работах не исключается, что может существовать определенная степень картелизации в отношении экспорта наркотиков, поскольку картельная олигополия позволяет достичь соглашения, направленного на предотвращение ценовой войны [29]. Международные сети предполагают сложное разделение труда и стратегические альянсы между картелями, включающие транспортировку, посредничество, хранение, защиту и финансирование, образуя корпоративную структуру [22].

П. Рейтер считает, что отрасль не является вертикально интегрированной: международные торговцы продают оптом независимым торговцам в стране-потребителе, а в случае производства опиума и кокаина фермеры являются индивидуальными предпринимателями. Он также считает, что большинство рынков наркотиков нет признаков картеля или монополии [28]. Эта теория предполагает децентрализацию деятельности, существование множества микросетей либо мелких организаций, чаще всего специализирующихся только на одном из этапов наркобизнеса. Структура, в которой субъекты могут быть полностью независимы друг от друга и где часть трафика осуществляется в небольших количествах, делает преследование участников наркобизнеса очень сложным. Кроме того, ликвидация сети не препятствует продолжению распространения и продажи

наркотиков, что свидетельствует о стабильности наркотиконых. Л. Паоли также утверждает, что на наркотиконых доминируют не монополии картелей, а плюрализм и конкуренция; большинство сделок с наркотиками, даже тех, которые связаны с огромными объемами наркотиков, совершаются многочисленными, относительно небольшими и часто недолговечными «компаниями». Такому положению дел способствуют чрезвычайно сильные ограничения, которые обусловлены незаконностью продаваемой продукции. Эти ограничения препятствуют формированию иерархически организованных компаний, контролирующих экономические операции на нелегальном рынке наркотиков [27].

Указанная разница в подходах демонстрирует, что рынок наркотиков использует различные формы организации и позволяет предположить, что существует не единый рынок наркотиков, а скорее несколько конфигураций (типов) рынков, функционирующих различно в зависимости от вида наркотиков, социально-политической специфики страны/региона, эволюции спроса, технологического и коммуникационного прогресса. Способность адаптироваться к изменениям и быстро перестраиваться, оставаясь при этом стабильно-устойчивой – это еще одно базовое свойство наркоиндустрии.

5. Функциональная схема управления наркоиндустрией включает плановую деятельность, логистику, переговоры, контроль и координацию деятельности, вербовку сотрудников, установление цен, сбор доходов, защиту интеллектуальной собственности и брендов, иерархическое разделение труда, оказание влияния на государственных чиновников, большую и разнообразную сеть профессионалов, поддерживающих преступную деятельность (адвокаты, банкиры и т. п.).

6. Структура рынка наркотиков пирамидальна, а распределение прибыли очень неравномерна и зависит от их уровня в распределительной цепочке. Исследования относительно прибыльности розничной торговли наркотиками малочисленны. В англоязычной литературе отмечается, что представление о розничной торговле наркотиками как чрезвычайно прибыльной деятельности распространено среди молодежи, однако с учетом всех скрытых затрат и недостатков, характерных для нелегальной деятельности, в конечном итоге уровень доходов розничных торговцев наркотиками, эквивалентен рынку труда,

что может предложить им легальный рынок труда. Для трех четвертей розничных торговцев указанная деятельность не является постоянной работой, а доходы от торговли наркотиками фактически представляют собой лишь дополнение к их законной зарплате [28]. Таким образом, американские исследователи приходят к выводу о близости легальных и нелегальных ставок заработной платы. Следует отметить, что эти цифры являются лишь оценками, основанными на предположениях.

В таком контексте выбор входа в торговлю наркотиками представляется иррациональным: доход от этой деятельности не только низок, но и, прежде всего, рискован. С точки зрения затрат, риск ареста полицией и осуждения судом представляет собой вынужденный уход с рынка труда и, следовательно, потерю дохода. Кроме того, на нелегальных рынках не существует коммерческого права, закона о конкуренции или даже трудового права, а регулирование споров осуществляется посредством насилия. Таким образом, выбор участвовать в незаконном обороте наркотиков присутствует в тех случаях, где иные альтернативы дохода трудно реализовать, а также зависит от реализуемой политики образования и социальной интеграции. Тогда мы исходим из следующего постулата: если легальный рынок труда предлагает прибыльные возможности, то стимулы для участия в торговле наркотиками будут ниже.

7. С экономической точки зрения, незаконный оборот наркотиков приносит очень большой объем рабочих мест, которые можно распределить по трем группам:

- группы лиц, которые непосредственно задействованы в наркоиндустрии (крестьяне-производители наркотического сырья, лаборанты; перевозчики-курьеры; держатели складов; координаторы; посредники; бухгалтеры; хранители крупных партий наркотиков; охранники и т. п.);

- лица, действующие в легальном секторе и в силу своей профессии обеспечивающие юридическое и финансовое сопровождение наркорынков (юристы, финансовые консультанты и т. п.). Эта группа является типичной для любого криминального сектора теневой экономики (торговля оружием, торговля людьми и проч.);

- в силу социальной направленности большинства государств существование наркорынков порождает развитие такой сферы деятельности как медицинское и социальное сопровождение наркозависимых (профилактика, лечение и реабилитация).

Структурированная криминальная экономика генерирует прибыль, часть которой останется в теневой сфере для поддержания незаконной деятельности или для ее развития, другая будет реинвестирована легальную экономику. Глобализация создала благоприятные условия для организаций наркоторговли посредством экономической интеграции и регионализации; финансового deregулирования и либерализации; что стимулирует потоки товаров, услуг и капитала. В конечном итоге это приводит к усилению глобального режима отмывания денег. Отмывание денег – это операция, заключающаяся в том, чтобы средства или активы, полученные в результате незаконной деятельности, выглядели как доходы законной деятельности и беспрепятственно циркулировали в финансовой системе. Оффшорные механизмы являются одним из наиболее широко используемых преступниками способов отмывания денег [5, С. 265]. Оффшорными территориями или налоговыми убежищами называют определенные страны и территории, которые устанавливают налоговые преимущества, выражющиеся в низких налоговых ставках для определенных типов компаний, которые осуществляют операции нерезидентов за границей и в которых экономические операторы пользуются анонимностью, обеспечиваемой банковской, коммерческой и профессиональной тайной. Сочетание этих элементов, содержащих в своей основе льготные налоговые режимы и секретность, делает оффшоры весьма привлекательными для криминального сектора. Как отмечает Р. Галали, представители Интерпола и МКНН полагают необходимым регулировать налоговые гавани и оффшорные центры так, чтобы иметь возможность отслеживать деньги [5, С. 265].

Рынки наркотиков активно используют современные информационно-телекоммуникационные технологии. Значительный объем наркотиков (как и большинства запрещенных товаров) торгуется в даркнет – части Интернета, которая была намеренно скрыта и доступна только через такие программы, как, например, Tor Browser [26]. Основными характеристиками этого типа виртуальных рынков являются следующие: а) это платформы для покупки и продажи товаров (в основном нелегальных) в Интернете; б) позволяют пользователям искать и сравнивать товары и продавцов; в) со структурной и функциональной точки зрения они очень похожи на легальные онлайн-рынки; г) они ис-

пользуют ряд стратегий и технологий, чтобы скрыть личности своих участников, обеспечить анонимность транзакций и скрыть физическое местонахождение серверов. Расчет на таких рынках зачастую осуществляется посредством криптовалюты. Криптовалюты являются децентрализованными валютами, то есть их работа не зависит от централизованного суверенного органа-эмитента, а скорее действует через сеть одноранговых узлов (или одноранговую сеть). При этом также следует отметить, что расчетные операции проводятся с использованием программного обеспечения с открытым исходным кодом, которое можно использовать на любом компьютере или мобильном устройстве. Криптовалюты при грамотном использовании могут гарантировать выполнение онлайн-транзакций с высоким уровнем анонимности. Онлайн-наркотики применяют ряд механизмов, предназначенных для минимизации мошенничества и, следовательно, стимулирования доверия пользователей, в частности, «системы репутации», которые аналогичны тем, что существуют на интернет-рынках, торгующих легальными продуктами. Сервисы даркнета позволяют пользователям наркотиков иметь представление о репутации покупателей, их истории продаж, а также уровень удовлетворенности пользователей, которые в прошлом покупали у конкретных поставщиков: это рейтинги и отзывы, которые обычно активируются после совершения покупки, а также обзоры, которые, как правило, делаются на форумах, существующих на рынках даркнета или в других социальных сетях. Также используются системы отсроченных платежей, т. е. отправка платежа продавцу только после получения покупателем нелегального товара.

Розничные покупки составляют наибольшую долю операций, осуществляемых на рынках даркнета, общая прибыль, получаемая ежемесячно от продажи запрещенных наркотиков колеблется по самой низкой оценке от 12 до 14 миллионов долларов и по самой высокой оценке от 21 до 25 миллионов долларов [25]. Марихуана является наркотиком, который приносит наибольшую прибыль на онлайн-рынках (31 %), на втором месте – стимуляторы 24 % (к которым относятся кокаин и амфетамины); 16 % – вещества типа экстази; с 8 % – психоделики и с 6 % – опиоиды [21].

Вместе с тем следует отметить, что интернет-наркотики не повлекли за собой серьезных изменений в производстве или культивировании наркотиков: производство листа коки и изготовление кокаина по-

прежнему почти полностью осуществляется в Колумбии, Перу и Боливии, опиатов в Афганистане, каннабиоидов в Парагвае, Мексике, Марокко. Когда дело доходит до приобретения крупных партий наркотиков, сделки осуществляются посредством личных контактов. Однако появление онлайн-наркотиков привело к изменениям на уровне розничных продаж наркотиков, поскольку виртуальные рынки появились в качестве альтернативы традиционным розничным рынкам.

Хотя количество производимых и торгуемых наркотиков не может быть точно определено, ориентировочные оценки, тем не менее позволяют выявить тенденции или колебания производства. Из-за сложности расчета оценок производства и потребления в статистических отчетах, в статье приведем данные за пятилетний период (рисунок).

До недавнего времени наркополитику можно охарактеризовать как стратегию запретительного контроля над наркотиками, в основе которой лежат профилактика, терапия и репрессии. Запрет – это попытка предотвратить или хотя бы ограничить потребление наркотиков посредством уголовно-правового запрета. С экономической точки зрения эту попытку можно рассматривать как особую форму государственного регулирования рынка. Современная тенденция такова, что предпринимаются активные попытки вытеснить наркотики из теневого сектора в легальный посредством правой либерализации.

Термин «либерализация» в связи с незаконным оборотом наркотиков следует понимать как собирательное понятие для различных проектов реформ, направленных на альтернативную политику в отношении наркотиков. Многочисленные предложения по либерализации можно разделить на различные категории: 1) легализация (полная отмена уголовного запрета); 2) декриминализация (отмена уголовного запрета в отношении отдельных видов наркотиков или небольшого количества для всех видов); 3) депениализация (отмена наказания за хранение и приобретение наркотических средств в небольших количествах при общем сохранении уголовно-правового запрета); 4) контролируемое распространение наркотиков (организованная и контролируемая государством поставка наркотиков или их заменителей с государственной монополией на производство, сбыт и распространение, в то же время признающая незаконными негосударственные действия).

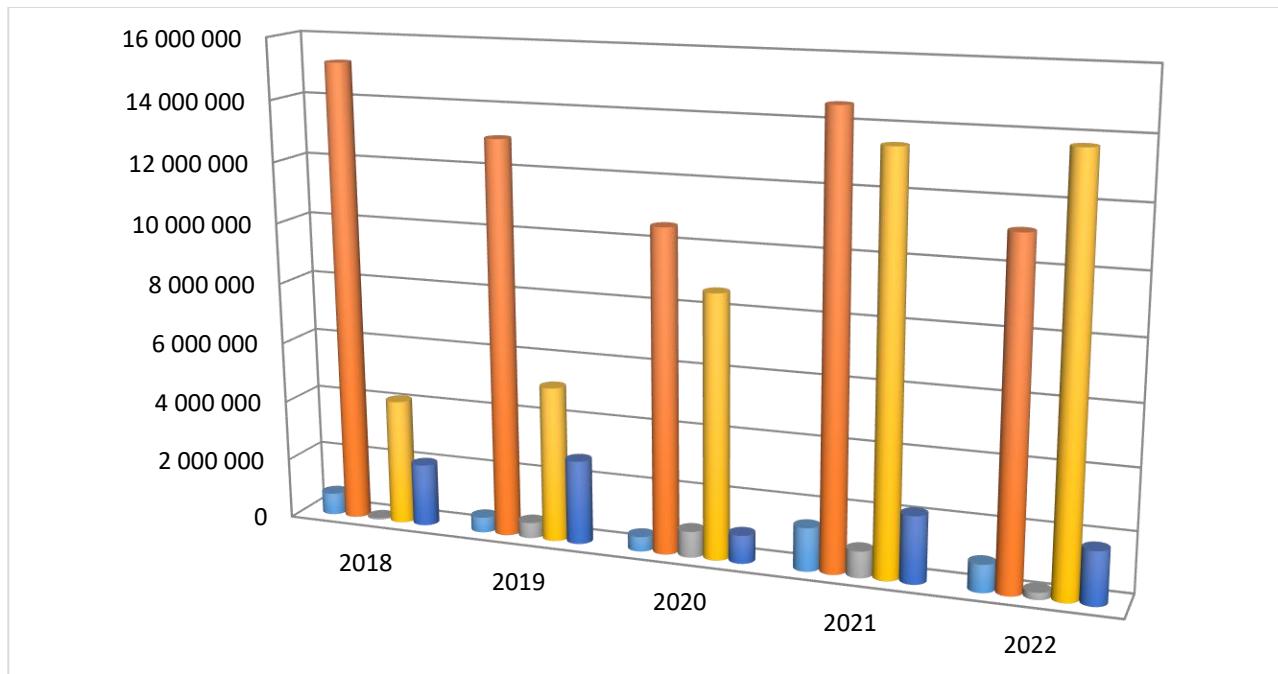

Рисунок – Количество наркотических средств, изъятых на момент возбуждения уголовного дела*

Figure – The number of narcotic drugs seized at the time of initiation of the criminal case

* Количество наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих веществ, изъятых на момент возбуждения уголовного дела. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/> (дата обращения: 01.11.2023).

В экономике рынок – это, по сути, любое собрание спроса и предложения, независимо от того, где, в какое время и при каких обстоятельствах. Задача рынка – сбалансировать спрос и предложение. В контексте рынка наркотиков вопрос о равновесности спроса и предложения и эластичности цен на наркотики – дискуссионный.

В экономической науке значительное внимание уделяется индивидуальной свободе и потребительскому суверенитету. Эти два фактора применительно к рынкам аддиктивных товаров вызывают споры [4, 18, 19]. М. Ю. Кийко высказывает сомнение в возможности наркозависимого потребителя действовать рационально, и соответственно, влиять на эластичность спроса [9]. Однако модель Беккера (1988) стала основой исследований, позволяющих объяснить поведение, связанное с зависимостью, используя экономическую модель рационального выбора, т. е. предполагая полный суверенитет потребителя [12].

Стандартная экономическая модель предполагает, что экономических благ не хватает и что потребитель должен подумать, для чего он хочет использовать свои ограниченные ресурсы (время и деньги).

Этот процесс принятия решений можно спроектировать следующим образом, предполагая рациональную максимизацию полезности: во-первых, экономический агент увеличивает свое потребление при увеличении дохода, что приводит к положительному эффекту дохода; во-вторых, при имеющихся ресурсах рациональный потребитель будет потреблять большее количество подешевевшего товара и, соответственно, меньший спрос на товар со сравнительно более высокими альтернативными издержками – отрицательный эффект замещения. Наркотики отличаются от обычных экономических товаров. Особые свойства требуют модификации стандартной модели, которая учтена в модели Беккера.

Первая гипотеза касается взаимосвязи между удовольствием (пользой продукта) полученным индивидом от потребления продукта (или деятельности) и прошлым потреблением того же продукта. В формальном смысле коэффициент α , выбранный Беккером и Мерфи, отражает влияние прошлого потребления на фактическое или ожидаемое удовольствие от текущего потребления. На этом уровне зависимость

проявляется, когда $a > 0$, то есть когда прошлое потребление продукта увеличивает удовольствие, полученное от текущего потребления, тем самым подавляя любой сигнал насыщения. Это свойство, которое Беккер называет «смежной комплементарностью», является маркером зависимости.

Вторая гипотеза связана с влиянием временности на поведение потребителей, т. е. в учете времени, отделяющего потребителя от момента, когда он получит удовольствие (пользу) от своего потребления. В экономике оно измеряется ставкой дисконтирования, связанной с полезностью. Предпочтение, проявляемое субъектом в конкретный момент, принимает форму коэффициента, обозначенного Беккером σ . Следуя формулировке Беккера, очень высокий σ , который стремится к $+\infty$ непосредственно перед потреблением продукта, показывает очень сильное предпочтение. Это вызывает у потребителей уязвимость к риску зависимости, которая материализуется, когда она сочетается с положительным a , связанным с конкретным продуктом.

Наркомания, как она сформулирована в данной модели динамики потребления, может быть квалифицирована как рациональная. Действительно, у потребителя, который демонстрирует склонность к аддикции в соответствии с признаками, сохраняемыми моделью ($a > 0$; δ , стремящимся к ∞), аддиктивное поведение к потреблению продукта или к осуществлению какой-либо деятельности является полностью коherентным. Эта логическая последовательность трансформируется в рациональность, если мы добавим экономическое следствие максимизации полезности, понимаемой здесь скорее как удовольствие, получаемое от такого потребления. Зависимое потребление, удовлетворяющее этому условию, следовательно, раскрывает рациональность своего потребителя в смысле, близком к экономической парадигме рационального выбора.

Однако, основываясь на элементах теории рациональной зависимости, нет никаких оснований утверждать, что проявления зависимости являются результатом сознательного выбора субъектов. Таким образом, динамическая теория Беккера, основанная на экономической парадигме рационального выбора, оказывается неэффективной, поскольку она бессильна объяснить изменения в целях и мотивациях, проявляемых субъектом-наркоманом, особенно на рынке «тяжелых» наркотиков.

Заключение

Итак, анализ показывает, что одной из трудностей и ограничений изучения нелегального рынка теневого сегмента экономики является недостаточная точность данных о спросе и предложении запрещенных веществ. Доступная информация о производстве и потреблении незаконных наркотиков варьируется в зависимости от методологии, используемой соответствующими организациями и исследователями для оценки информации о производстве и потреблении. Однако различные источники, хотя и расходятся в данных, сходятся во мнении о тенденции расширения наркотиков.

Определенные нами ключевые характеристики наркотиков можно подразделить на две группы:

1) те, которые типичны для всего криминального сектора теневой экономики: развитие часто сопровождается насильственными практиками; полученная прибыль частью останется в теневой сфере для поддержания и развития незаконной деятельности, а частью источником финансирования легальной экономической деятельности; используются различные механизмы для «отмывания» денег; активное использование современных информационно-телекоммуникационных технологий: даркнет, криптовалюты (что, однако, не влечет за собой серьезных изменений в производстве или культивировании наркотиков);

2) специфичные для рынков наркотиков: высокая рентабельность (производство наркотиков является одной из наиболее продуктивных и прибыльных отраслей экономики); порождает развитие таких легальных секторов экономики как медицинское и социальное сопровождение наркозависимых; использование различных форм организации, функционирующих различно в зависимости от вида наркотиков, социально-политической специфики страны/региона, эволюции спроса, технологического и коммуникационного прогресса; способность адаптироваться к изменениям и быстро перестраиваться, оставаясь при этом стабильно-устойчивой структурой; отклонение от конкурентного равновесия и дифференциация ценовой эластичности в зависимости от вида наркотиков (легкие или тяжелые); тенденция к вытеснению наркотиков из теневого сектора в легальный посредством правой либерализации; в странах-производителях создаются пространства с экономикой, основанной на производстве, продаже и введении доходов от наркотиков в легальную сферу.

Список источников

1. ILO Resolution Concerning Statistics of Employment in The Informal Sector. Resolution II adopted be the Fifteenth Conference of Labour Statisticians / ILO. Geneva : International Labour Office, 1993.
2. Баринов А. С. Особенности становления концепции теневой экономики в современной научной литературе // Вестник ЧелГУ. 2020. № 2 (436). С. 9–20. doi:10.24411/1994-2796-2020-10201.
3. Барсукова С. Ю. Лекции по неформальной экономике: кратко, понятно, наглядно: учебное пособие. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 232 с.
4. Болва Н. В. Об особенностях экономического поведения наркозависимого потребителя // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. 2012. № 1(10). С. 43–49.
5. Галали Р. Д. А. Оффшорные банки как канал отмывания преступных доходов и финансирования терроризма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 263–269.
6. Гончаров В. Н. Теневая экономика: государственные меры борьбы / В. Н. Гончаров, И. А. Денисенко, М. Н. Шевченко // Право и управление. ХХI век. 2020. Т. 16. № 2(55). С. 106–115. DOI 10.24833/2073-8420-2020-2-55-106-115.
7. Гулаков Р. Н. Преступность теневой экономики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7. С. 192–200. URL: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.35.7.192-200>.
8. Капитонова Н. В. Тенденции развития теневой экономики современной России / Н. В. Капитонова, А. А. Капитонова // Теневая экономика. 2021. Т. 5. № 1. С. 9–18. DOI: 10.18334/tek.5.1.111962.
9. Кийко М. Ю. Противодействие наркобизнесу как стратегическое направление обеспечения экономической безопасности России: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Кийко Михаил Юрьевич. М., 2017. 286 с.
10. Костин А. В. Теневая экономика и государственное управление // Мир экономики и управления. 2012. № 12(1). С. 18–25.
11. Латов Ю. В. Экономика вне закона: Очерки по теории и истории теневой экономики. М. : Московский общественный научный фонд, 2001. 284 с.
12. Левин М. И. Экономические модели аддиктивного поведения / М. И. Левин, А. Б. Фенько // Финансы и бизнес. 2008. № 4. С. 1–23.
13. Лизина О. М. Концептуальные подходы к исследованию теневой экономики и ее структуры // Контентус. 2019. № 5(82). С. 160–174.
14. Найденов А. С. Особенности функционирования экономики российского наркобизнеса в современных условиях / А. С. Найденов, И. А. Кривенко // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 4. С. 63–65.
15. Перов Е. В. Теневая экономика как признак конфликтогенности экономической системы общества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 3. С. 10–17.
16. Сафонова Т. А. Наркобизнес – сегмент теневой экономики: взаиморасчеты за наркотики на платформе черного рынка даркнета // Академическая мысль. 2022. № 2(19). С. 130–135.
17. Скоков Р. Ю. Монополия vs конкуренция: состояние, сценарии и факторы на рынках аддиктивных товаров // Современная конкуренция. 2018. Т. 12. № 2–3(68–69). С. 96–107.
18. Скоков Р. Ю. Экономическая теория рынков аддиктивных товаров: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. 484 с.
19. Смелова С. В. Наркобизнес как сектор теневой экономики и угроза экономической безопасности страны / С. В. Смелова, Р. Р. Тотоев // Теневая экономика. 2023. Т. 7. № 1. С. 55–72. doi: 10.18334/tek.7.1.116937.
20. Тимофеев Л. М. Наркобизнес. Начальная теория экономической отрасли. 2-ое изд., перераб. и доп. СПб.: «Медицинская пресса», 2001. 96 с.
21. Aldridge, Judith and Décar-Héti, David, Not an 'Ebay for Drugs': The Cryptomarket 'Silk Road' as a Paradigm Shifting Criminal Innovation (May 13, 2014). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2436643> (дата обращения: 09.11.2023).
22. Buddenberg, Doris; Byrd, William A. Afghanistan's drug industry: structure, functioning, dynamics, and implications for counter-narcotics policy (English). Washington, D.C.: World Bank Group. 2006. P. 117–152. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/151161467996726308/Afghanistans-drug-industry-structure-functioning-dynamics-and-implications-for-counter-narcotics-policy> (дата обращения: 10.11.2023).

23. Hart K. Informal Urban Income Opportunities and Urban Employment in Ghana // Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11; 1: 61–90.
24. Kopp, Pierre-Alexandre. Économie de la drogue. La Découverte, 2006. <https://doi.org/10.3917/dec.kopp.2006.01>.
25. Kruithof, K., Aldridge, J., Décaray-Hétu, D., Sim, M.P., Dujso, E., & Hoorens, S. (2016). Internet-facilitated drugs trade: An analysis of the size, scope and the role of the Netherlands. Access: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1607/RAND_RR1607.pdf (Дата обращения: 10.11.2023).
26. Куликов А. В. Проблемы квалификации сбыта наркотиков, совершенного группой лиц с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А. В. Куликов, И. Ю. Железняк // Наркоконтроль. 2023. № 4. С. 9–12.
27. Жбанков В. А. Транснациональная организованная наркопреступность и наркоконтрабанда как ее составляющая: современное состояние и основные тренды: монография / В. А. Жбанков, А. В. Табаков М., 2017. С. 56.
28. Moeller K. (2020). Drug Market Criminology: Combining Economic and Criminological Research on Illicit Drug Markets. CrimRxiv. Retrieved from <https://www.crimrxiv.com/pub/hj6x23t6> (Дата обращения: 10.11.2023).
29. Paoli Letizia. Die unsichtbare Hand des Marktes: Illegaler Drogenhandel in Deutschland, Italien und Russland. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 2003. P. 356–383.
30. Reuter P. 2009. Assessing changes in global drug problems 1998–2007. Bruselas: Comisión Europea. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/technical_reports/2009/RAND_TR704.pdf (Дата обращения: 11.11.2023).

References

1. ILO Resolution Concerning Statistics of Employment in The Informal Sector. Resolution II adopted by the Fifteenth Conference of Labour Statisticians / ILO. Geneva : International Labour Office, 1993. (In Russ.).
2. Barinov A. S. Features of the formation of the concept of the shadow economy in modern scientific literature. In: Vestnik ChelGU. 2020;2 (436): 9–20. doi:10.24411/1994-2796-2020-10201. (In Russ.).
3. Barsukova S. Yu. Lekcii po neformal'noj ekonomike: kratko, ponyatno, naglyadno. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2021. (In Russ.).
4. Bolva N. V. About the peculiarities of the economic behavior of a drug-addicted consumer. In: Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta FSKN Rossii. 2012;1(10): 43–49. (In Russ.).
5. Galali R. D. A. Offshore banks as a channel for laundering criminal proceeds and financing terrorism. In: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2019;1: 263–269. DOI 10.22394/2079-1690-2019-1-1-263-269. (In Russ.).
6. Goncharov V. N., Denisenko I. A., Shevchenko M. N. Tenevaya ekonomika: gosudarstvennye mery bor'by. In: Pravo i upravlenie. XXI vek. 2020. Vol. 16;2(55): 106–115. DOI 10.24833/2073-8420-2020-2-55-106-115. (In Russ.).
7. Gulakov R. N. The criminality of the shadow economy. In: Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2017;7: 192–200. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2017.35.7.192-200>. (In Russ.).
8. Kapitonova N. V., Kapitonova A. A. Trends in the development of the shadow economy in modern Russia. In: Tenevaya ekonomika. 2021. Vol. 5;1: 9–18. DOI: 10.18334/tek.5.1.111962. (In Russ.).
9. Kijko M. Yu. Protivodejstvie narkobiznesu kak strategicheskoe napravlenie obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii. Moscow, 2017. (In Russ.).
10. Kostin A. V. Tenevaya ekonomika i gosudarstvennoe upravlenie. In: Mir ekonomiki i upravleniya. 2012;12(1): 18–25. (In Russ.).
11. Latov Yu. V. Ekonomika vne zakona: Ocherki po teorii i istorii tenevoj ekonomiki. Moscow: Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond, 2001. (In Russ.).
12. Levin M. I., Fen'ko A. B. Ekonomicheskie modeli addiktivnogo povedeniya. In: Finansy i biznes. 2008;4: 1–23. (In Russ.).
13. Lizina O. M. Conceptual approaches to the study of the shadow economy and its structure. In: Kontentus. 2019;5(82): 160–174. (In Russ.).
14. Najdenov A. S., Krivenko I. A. Features of the functioning of the Russian drug business economy in modern conditions. In: Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. Ekonomika. Politika. 2015;4: 63–65. (In Russ.).
15. Perov E. V. The shadow economy as a sign of the conflictogeneity of the economic system of society. In: Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie. 2016;3: 10–17. (In Russ.).

16. Safonova T. A. Drug business is a segment of the shadow economy: settlements for drugs on the darknet black market platform. In: Akademicheskaya mysl'. 2022;2(19): 130–135. (In Russ.).
17. Skokov R. Yu. Monopoly vs competition: the state, scenarios and factors in the markets of addictive goods. In: Sovremennaya konkurenciya. 2018. Vol. 12;2–3(68–69): 96–107. (In Russ.).
18. Skokov R. Yu. Ekonomicheskaya teoriya rynkov addiktivnyh tovarov. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2019. (In Russ.).
19. Smelova S. V., Totoev R. R. Drug trafficking as a sector of the shadow economy and a threat to the economic security of the country. In: Tenevaya ekonomika. 2023. Vol. 7;1: 55–72. doi: 10.18334/tek.7.1.116937 (In Russ.).
20. Timofeev L. M. Narkobiznes. Nachal'naya teoriya ekonomiceskoy otrassli. Saint-Petersburg: «Medicinskaya pressa», 2001. (In Russ.).
21. Aldridge, Judith and Décar-Hétu, David, Not an 'Ebay for Drugs': The Cryptomarket 'Silk Road' as a Paradigm Shifting Criminal Innovation (May 13, 2014). Available from: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2436643> [Accessed 9th November 2023]. (In Russ.).
22. Buddenberg, Doris; Byrd, William A. Afghanistan's drug industry: structure, functioning, dynamics, and implications for counter-narcotics policy (English). Washington, D.C.: World Bank Group. 2006. P. 117–152. Available from: <http://documents.worldbank.org/curated/en/151161467996726308/Afghanistans-drug-industry-structure-functioning-dynamics-and-implications-for-counter-narcotics-policy> [Accessed 10th November 2023]. (In Russ.).
23. Hart K. Informal Urban Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. In: Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11;1: 61–90. (In Russ.).
24. Kopp Pierre-Alexandre. Économie de la drogue. La Découverte, 2006. <https://doi.org/10.3917/dec.kopp.2006.01>.
25. Kruithof, K., Aldridge, J., Décar-Hétu, D., Sim, M.P., Dujo, E., & Hoorens, S. (2016). Internet-facilitated drugs trade: An analysis of the size, scope and the role of the Netherlands. Available from: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1607/RAND_RR1607.pdf [Accessed 10th November 2023].
26. Kulikov A. V., Zheleznyak I. Yu. Problems of qualification of drug sales committed by a group of persons using information and telecommunication technologies. In: Narkokontrol'. 2023;4: 9–12. (In Russ.).
27. Zhabankov V. A., Tabakov A. V. Transnacional'naya organizovannaya narkoprestupnost' i narkokontrobanda kak ee sostavlyayushchaya: sovremennoe sostoyanie i osnovnye trendy. Moscow, 2017: 56. (In Russ.).
28. Moeller K. (2020). Drug Market Criminology: Combining Economic and Criminological Research on Illicit Drug Markets. CrimRxiv. Available from: <https://www.crimrxiv.com/pub/hj6x23t6> [Accessed 10th November 2023].
29. Paoli Letizia. Die unsichtbare Hand des Marktes: Illegaler Drogenhandel in Deutschland, Italien und Russland. Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, 2003: 356–383.
30. Reuter P. 2009. Assessing changes in global drug problems 1998–2007. Bruselas: Comisión Europea. Available from: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/technical_reports/2009/RAND_TR704.pdf [Accessed 11th November 2023].

Информация об авторах

Д. В. Новокшонов – кандидат юридических наук, доцент
С. В. Смелова – кандидат юридических наук, доцент
А. А. Стишак – доцент

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 25.03.2024.

Information about the authors

D. V. Novokshonov – Candidate of Sciences (Law), Docent
S. V. Smelova – Candidate of Sciences (Law), Docent
A. A. Stishak – Docent

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 25.03.2024.